

Гюстав Флобер

Легенда о св. Юлиане Милостивом

*Часть сборника
Воспитание чувств (сборник)*

Гюстав Флобер Легенда о св. Юлиане Милостивом

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=642625
Воспитание чувств: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-16164-5*

Аннотация

Повесть о средневековом праведнике, отречшемся от грехов юности, и его последнем испытании.

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Гюстав Флобер

Легенда о св. Юлиане Милостивом

I

Отец и мать Юлиана обитали в замке, построенном посреди лесов, на склоне холма.

Четыре угловые башни заканчивались остrokонечными крышами, покрытыми чешуей из свинцовых блях; а стены упирались в темя скал, круто спускавшихся до самого дна глубоких расселин.

Камни, которыми вымощен был обширный двор, были так же гладки и чисты, как церковные плиты. Длинные желобы, изображавшие драконов с опущенной вниз пастью, извергали дождевую воду; она стекала ручьями в цистерну; а на подоконниках во всех этажах красовались базилики или гелиотропы в расписанных глиняных горшках.

Вторая каменная ограда заключала в себе сперва фруктовый сад; потом палисадник, в котором искусные сочетания цветов изображали вензеля; затем шпалеры виноградных лоз с беседками для отдыха и прохладения; наконец, особо отведенное место, где пажи забавлялись игрою в мяч.

С другой стороны находились псарни, конюшни, пекарня, давилня для винограда и амбары. Зеленое пастбище расстилось вокруг, огороженное, в свою очередь, крепким терновым тыном.

Мир так давно не нарушался в том замке, что опускная решетка ворот оставалась постоянно поднятою; рвы заросли травой, ласточки вили гнезда в трещинах бойниц – и часовой, весь день прогуливавшийся по валу, уходил в сторожку, лишь только солнце начинало слишком печь, и засыпал в ней сном праведника.

Внутри замка повсюду блестели железные оковки; шитые обои оберегали комнаты от холода; шкафы были битком набиты бельем, в погребах громоздились бочки с ценными винами, а дубовые сундуки ломились под тяжестью мешков с серебром.

В оружейной зале между знаменами и выделанными мордами хищных зверей висели оружия всех времен и народов, начиная с праща амалекитян и дротика гарамантийцев¹ и кончая короткой, широкой шпагой сарацин и кольчугою норманнов. На главном вертеле в очаге кухни мог удобно жариться целый бык, а капелла пышностью не уступала королевской молельне. В одном углу двора, в стороне, находилась даже римская баня; но добрый господин не пользовался ею, не желая придерживаться языческих обычаев.

¹ *Амалекитяне* – упоминаемое в Библии аравийское племя. *Гарамантийцы* – племя Северной Африки.

Постоянно закутанный в лисью шубу, он прогуливался по замку, творил суд и расправу над своими вассалами, решал споры соседей. Зимой он засматривался на хлопья падавшего снега или заставлял читать себе сказки. Как только наступали первые ясные дни, он отправлялся на своем лошаке по узким тропинкам вдоль зеленевших нив, разговаривал с крестьянами, давал им наставления и советы. После многих приключений он взял себе в супруги девицу из высокого рода.

Она была очень бела телом, немного горда и не смешлива. Верх ее высокого головного убора касался притолки, когда она проходила через дверь, шлейф ее суконного платья влачился на три шага позади ее. В ее домашнем быту соблюдался строгий, монастырский порядок. Каждое утро она распределяла работы между своими служанками, присматривала за вареньями и благовонными мазями, пряла пряжу или вышивала напрестольные пелены.

Она так усердно молилась богу, что он внял наконец ее мольбам и даровал ей сына.

На той великой радости добрый господин задал пир, который длился четыре дня и три ночи при свете факелов, при звуках арф. Все полы были усыпаны зелеными листьями. Самые дорогие пряности, куры величиною с барана подавались гостям. Ради забавы из большого пирога выскочил карлик. Ковшей наконец не хватило – так что пришлось пить из турьих рогов и шлемов.

Родильница не присутствовала при этих празднествах. Она лежала в постели – спокойно и мирно. Однажды она проснулась и увидела в лунном луче, падавшем из окна, как бы движущуюся тень. То был старец в грубой волосяной рясе, с четками на чреслах, с котомкой за плечами – в полном одеянии отшельника. Он подошел к ее постели – сказал, не разжимая губ:

– Радуйся, о мать! Твой сын будет святой!

Она хотела вскрикнуть – но, скользнув по верхней черте лунного луча, старец тихо поднялся на воздух и исчез. За столыные песни раздавались громче прежнего. Она услышала голоса ангелов – и голова ее упала на подушку, над которой, на задней стене кровати, виднелась кость святого мученика в богатой оправе из карбункулов.

На другой день все спрошенные слуги объявили, что не видали никакого отшельника.

Наяву ли то случилось или во сне – но то было, конечно, откровение свыше. Она никому не сказала об этом, боясь, как бы ее не упрекнули в гордости.

К утру гости разошлись – и отец Юлиана, проводив последнего из них, стоял у башенных ворот, как вдруг пред ним предстал в тумане нищий. То был цыган с заплетенной бородой, с серебряными запястьями на обеих руках; его зрачки сверкали. С вдохновенным видом произнес он несвязные слова:

– А! А! Твой сын! Много крови, много славы, постоянно

счастлив, родня императору!

И, нагнувшись, чтобы поднять подаяние, он исчез в траве, сгинул!

Добрый господни посмотрел направо, налево, позвал людей громким голосом... Никого! Ветер свистал; утренний туман рассеивался.

Он приписал это видение слабости головы своей, утомленной недостатком сна. «Если я расскажу об этом, – думал он, – надо мной будут смеяться». Однако величие и блеск судеб, ожидающих его сына, ослепляли его, хотя обещание и не было вполне ясно – и он даже сомневался, точно ли он все это слышал?

Супруги скрывали друг от друга свою тайну; но оба они любили дитя одинаковой любовью – и, считая его отмеченным самим богом, всячески радели и заботились о нем.

Постелька его была набита самым тонким пухом; над ней постоянно горела лампада в виде голубя; три мамки укачивали его – и, крепко запеленанный, розовенький, голубоглазый, в парчовой мантии и чепчике, разубранном жемчужинами, он походил на младенца Иисуса.

Зубы прорезались у него так легко, что он ни разу от них не плакал.

Когда ему исполнилось семь лет, мать научила его петь – а отец, дабы внушить ему мужество, посадил его на широкобедренного коня. Дитя улыбалось от радости и скоро научилось всему, что принадлежит ратной верховой езде.

Старый, очень ученый монах, нарочно выписанный из Калабрии, обучил его Священному писанию, арабской цифире, латинским буквам и рисованию миниатюр на пергаменте. Они занимались вдвоем, на самом верху башни, вдалеке от суеты и шума. После обеда они сходили в сад – и, степенно гуляя, изучали цветы.

Иногда в глубине долины появлялась вереница вьючных животных, погоняемых пешеходом в восточной одежде. Господин, распознав в нем купца, посылал за ним слугу. Чужестранец доверчиво сворачивал с пути и, введенный в приемную, выкладывал из своих сундуков бархаты и шелка, серебряные и золотые вещи, благовония, диковинные предметы неизвестного употребления – и уходил под конец с полным карманом, не потерпев насилия.

В другое время толпа богомольцев-паломников просила пристанища. Их мокрые одежды дымились у очага; а насытившись, они рассказывали о своих путешествиях, о блуждании кораблей по бурным морям, о долгих странствиях пешком по раскаленным пескам пустыни, о свирепости язычников, о сирийских пещерах, о священных яслях и гробнице Христовой. Потом они дарили раковины с своих плащей молодому наследнику – и удалялись с миром.

Часто также господин угощал своих старых боевых товарищей. За чарой вина они вспоминали о войнах, в которых они участвовали, об осадах крепостей, о тяжелых ударах военных машин и таранов, о необычайных, громадных ранах.

Юлиан вскрикивал, слушая их рассказы. Тогда отец его не сомневался в том, что впоследствии он будет завоевателем. Но перед скончаньем дня, выходя от вечерни, шаг за шагом мимо преклоненных нищих, Юлиан с таким скромным, благородным видом подавал милостыню из своего кошель, что мать его, с своей стороны, также не сомневалась в том, что увидит его со временем архиепископом.

В капелле он всегда помещался подле родителей – и как бы ни была длинна служба, он все время стоял на коленях у аналоя, без шапки, со сложенными на молитву руками.

Однажды, подняв во время обедни голову, он заметил маленькую белую мышь, вышедшую из скважины стены. Она побегала немножко по первой ступени алтаря и, протрусив раза два, три – направо, налево, – снова скрылась в скважине.

В следующее воскресенье мысль, что он опять ее увидит, смущала его. Она, однако, вернулась... и каждое воскресенье он ждал ее; она его раздражала, он начал ее ненавидеть – и решил наконец избавиться от нее.

Заперев двери и накрошив на ступенях алтаря объедки хлеба, он стал около скважины с тросточкой в руке. Спустя долгое время показалась наконец мордочка, а затем и вся мышка. Он легонько ударил ее тросточкой – и оцепенел от изумления при виде маленького, недвижимого тельца. Капля крови запятнала плиту. Он поспешно вытер ее рукавом, выбросил мышь – и никому не сказал об этом ни слова.

Разнородные пичужки клевали зерна в саду. Юлиану при-

шло в голову наполнить горохом пустой ствол тростника – и, заслышав щебетание на дереве, он тихонько подкрадывался, направлял свою трубку – надувал щеки... и пичужки сыпались ему на плечи в таком изобилии, что он невольно смеялся, довольный своей выдумкой.

Однажды утром, возвращаясь с вала, он увидел на гребне стены голубя, толстого красноногого голубя; он красовался и двигал зобом на солнце. Юлиан остановился, чтобы посмотреть на него, – и так как стена в этом месте несколько обрушилась и расселась, то ему случайно попал под руку осколок камня. Он поднял руку – и камень полетел прямо в птицу, которая так и покатилась в ров, как чурбанчик.

Проворнее молодого пса кинулся он за нею, царапаясь о терновник, – и начал всюду шарить.

Голубь с перешибленными крыльями трепетал еще, повиснув на ветвях ясеня.

Упорство жизни раздражило дитя. Он принялся душить голубя – и судороги издыхавшей птицы заставляли прыгать его сердце. Он испытывал дикое, мятежное наслаждение. При последнем содрогании голубя он вдруг почувствовал, что силы его покидают... Он едва не упал в обморок.

Вечером за ужином отец объявил ему, что в его годы следует учиться звериной ловле, – и принес старую, кругом исписанную тетрадь, заключавшую в вопросах и ответах перечень всех охотничьих забав.

Составитель этой тетради обучал в ней ученика искусству

натаскивать собак и вынашивать ястребов, показывал, как следует ставить западни, как узнавать оленя по его помету, лисицу и волка – по их следам; какой лучший способ распознавать тропы зверей, как их выгонять из лесу, где находятся их пристанища; какие бывают благоприятные ветры и погоды; а затем следовало исчисление всех охотничьих криков и поговорок, холканий и порсканий.

Когда Юлиан выучил все это наизусть, тогда отец отобрал для него знатную стаю собак.

В эту стаю поступило, во-первых: двадцать пять варварийских борзых кобелей; они были резвее серн, но по горячности своей иногда неудержимы; затем семнадцать пар бретонских краснопегих гончих, чутких, добычливых, горластых, с стальной грудью; потом – сорок брусбартов, мохнатых, не хуже медведей; их спускали на кабанов, когда те внезапно садились на зад и грозили клыками. Татарские псы, величиной почти с осла, огненного цвета, широкие, жилистые, с прямыми, как стрелы, ногами, – предназначались для охоты за зубрами. Черная шерсть испанок лоснилась, как атлас; заливчатое тьявкание «тальботов» не уступало серебристому лаю английских «биглей». На отдельном дворе рычали, потрясая цепями и ворочая кровавыми зрачками, восемь аланских догов; то были страшные животные, которые впивались в брюхо всадникам и не боялись самого льва.

Всех этих псов кормили пшеничным хлебом; лакали они из каменных корыт – и клички у них были звонкие.

Но соколиный двор, пожалуй, превосходил еще псарню. Добрый господин за дорогую цену добыл себе кавказских беркутов, вавилонских сероголовых подорликов, немецких ястребов и дербников да белых кречетов, пойманных на утесах, по берегам холодных морей, в странах отдаленных.

Все эти ловчие птицы жили под навесом, крытым соломою, – а под насестью, к которой они были привязаны по ранжиру роста, перед каждой из них находился клочок дерна. От времени до времени, чтобы дать птицам размяться и встряхнуться, их спускали на этот дерн.

Всевозможные западни были заготовлены в изобилии: и тенета, и крюки, и железные ловушки, и подвижные зеркальца для ловли жаворонков.

Легавых собак часто водили в поле – и они тотчас же находили дичь и делали стойку. Тогда охотники осторожно приближались к ним, растягивали над их неподвижными телами огромную сеть – и условным знаком приказывали им лаять. Перепелы вылетали из травы – и приглашенные, вместе с мужьями, соседние дамы, дети, служанки, все бросались на птиц, запутанных в петлях сети, и без труда овладевали ими.

В другой раз били в барабан, чтобы выгнать из острова зайцев; лисицы падали в ямы – или внезапно соскочившая пружина западни хватала волка за ногу.

Но Юлиан пренебрегал этими безопасными хитростями. Он любил охотиться вдали от всех, один на своем коне и с любимой своей птицей. Обыкновенно то был скифский кре-

чет, белый как снег. На его кожаном клобучке развевался султанчик; золотые бубенчики бряцали на его синеватых лапах. Конь скакал; луга расстилались и проносились мимо – а кречет крепко держался на руке своего господина. Юлиан, развязав путы, вдруг спускал его. Прямо, как стрела, взвивалась вверх смелая птица... Только две неровные точки виднелись в вышине... Они двигались, соединялись, затем исчезали в лазури. Кречет скоро спускался, разрывая добычу, – и, трепеща крыльями, садился снова на рукавицу к хозяину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.